

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

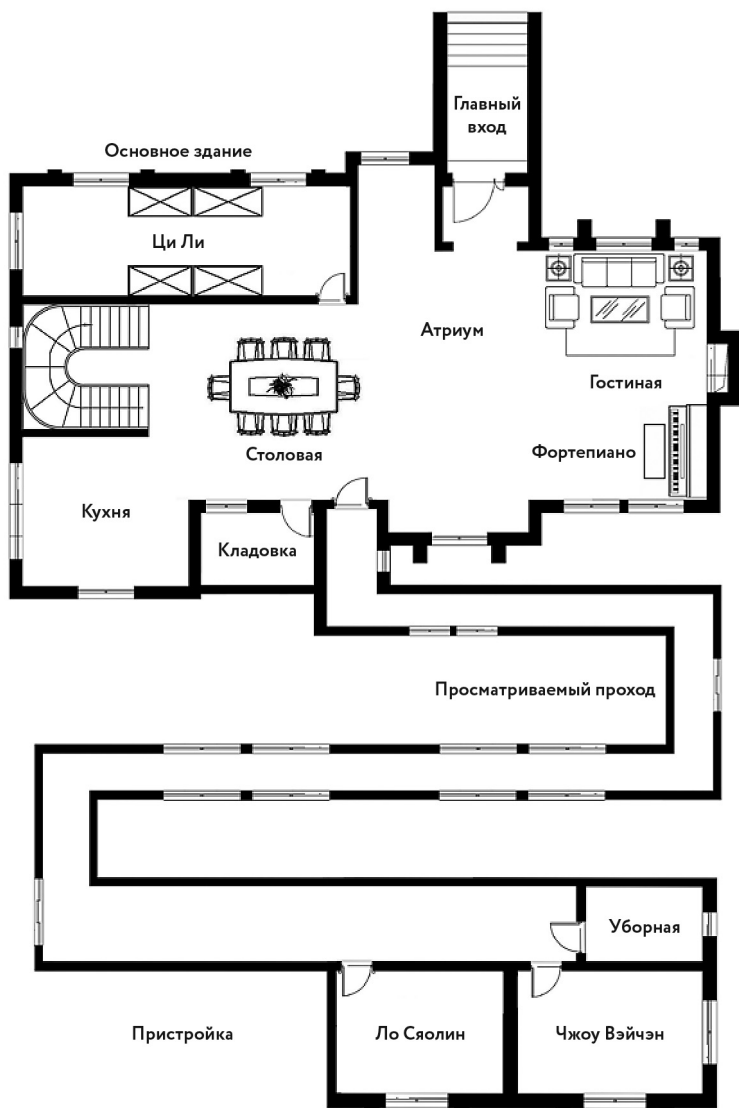
Обсидиановый особняк зимой 1994 года:

- Гу Юнхуэй (35 лет) — владелец
Обсидианового особняка
- Лю Гоцюань (45 лет) — врач
- Чжоу Вэйчэн (52 года) — профессор
словесности
- Хэ Юань (37 лет) — кинорежиссер
- Ло Сяолин (23 года) — кинозвезда
- Ци Ли (29 лет) — писательница
- Чжао Шоужэнь (25 лет) — молодой офицер
полиции
- Фан Хуэй (27 лет) — супруга Гу Юнхуэя

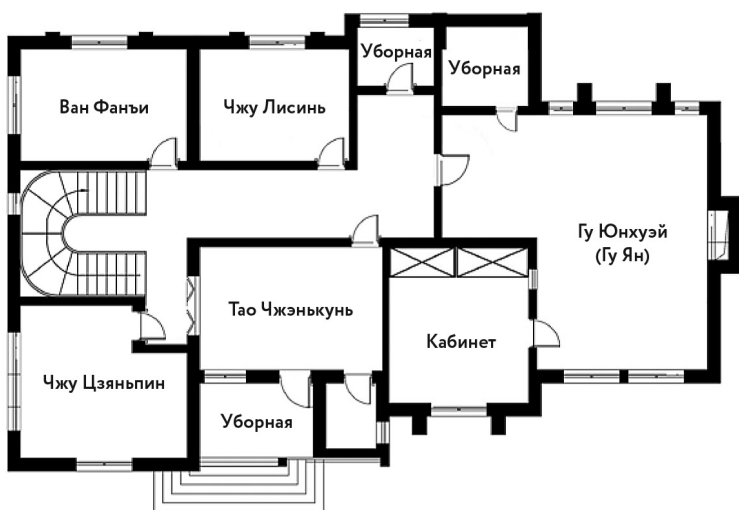
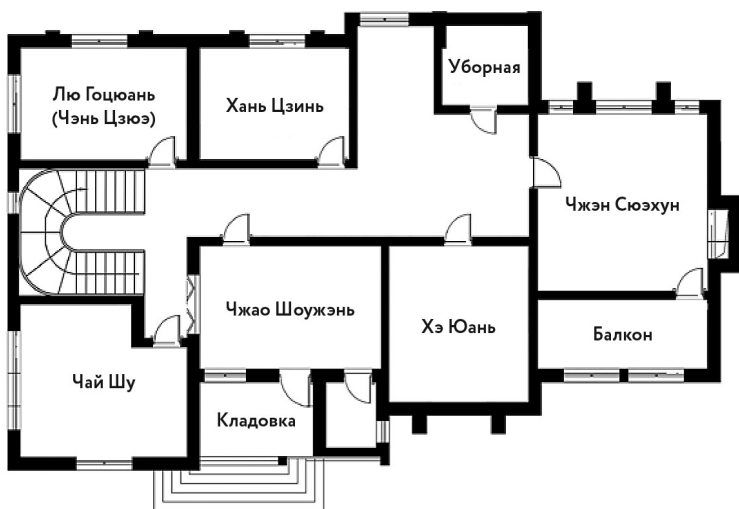
Обсидиановый особняк летом 2014 года:

- Гу Ян (27 лет) — сын Гу Юнхуэя
- Чжу Лисинь (25 лет) — девушка Гу Яна
- Чжу Цзяньпин (47 лет) — иллюзионист
- Чжэн Сюэхун (65 лет) — физик
- Ван Фанъи (41 год) — психолог-криминалист
- Тао Чжэнькунь (48 лет) — психиатр
- Дядя Чай (52 года) — дворецкий
- Чжао Шоужэнь (45 лет) — капитан
уголовного розыска
- Чэнь Цзюэ (27 лет) — математик
- Хань Цзинь (30 лет) — друг Чэнь Цзюэ

ПЛАН ПЕРВОГО ЭТАЖА ОБСИДИАНОВОГО ОСОБНЯКА

ПЛАН ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ЭТАЖЕЙ ОБСИДИАНОВОГО ОСОБНЯКА

Глава ПЕРВАЯ

1

Час пик прошел, и в метро уже было мало народу. Сидя в конце вагона, глядя на сменяющиеся за окном ландшафты, я словно пребывал в некой иллюзии, будто нахожусь не в оживленном Шанхае, а в каком-то богом забытом тихом городке. Я всегда ненавидел гомон и толчею так же, как ненавидел конкуренцию.

Меня зовут Хань Цзинь. В две тысячи восьмом году я окончил Шанхайский педагогический университет и сдал государственный квалификационный экзамен на учителя. Когда я официально стал педагогом, меня распределили в среднюю школу района Путо преподавать историю. Признаю, что в тот короткий промежуток времени, когда был преподавателем-стажером, я чувствовал себя не в своей тарелке.

Учителя — это профессиональная группа, которой наиболее недостает осознанного сотрудничества. Механизм конкуренции — основная причина напряженности в межличностных отношениях преподавателей. Открытое и закулисное противостояние учителей — раковая опухоль системы школьного образования. Никто не соглашается делиться опытом и знаниями, а страдают в итоге ученики. Благородный человек, который живет в согласии с другими, имея разные с ними взгляды, — не более чем мечта. Поскольку я все сильнее чувствовал, что не в состоянии адаптироваться к такой среде, я решил отказаться от этой должности, вернулся к нормальной жизни и принялся искать лучший карьерный путь. К концу две тысячи десятого года я устроился в журнал «Историческая справка» на место редактора. Эта работа

многое для меня значила, я горел ею. Три года я не покладая рук трудился на этой должности, пока редакция журнала не закрылась из-за банкротства. Согласно трудовому договору, я имел право получить три месячные зарплаты. Получив эти деньги, я полгода просидел дома, даже не пытаюсь найти работу и проводя дни и ночи напролет за играми, чтобы забыть.

Я всегда был очень самостоятельным что в бытовом, что в финансовом плане. После окончания университета сразу же съехал от родителей на съемную квартиру. Поначалу мать с отцом сильно возражали, но после моих неоднократных просьб они с трудом дали добро. Поэтому на мои плечи, помимо трат на еду, свалилось бремя аренды. Я не собирался полагаться на благотворительность родителей, чтобы сводить концы с концами. В конце концов, я уже достиг возраста зрелости. А родители и так были стеснены в средствах.

Однажды ночью я покупал какие-то мелочи для дома в мини-маркете, а когда пришло время расплачиваться, обнаружил, что на карте у меня ни гроша. Тогда я осознал всю серьезность своего положения. Я начал как сумасшедший рассылать повсюду свое резюме; ситуация была критическая — неважно, какая подвернется работа, лишь бы за нее платили. Я был готов абсолютно на все. В то время это было единственным, что меня заботило. В общем, если хорошенько взяться, можно чего-то добиться: после активной массовой рассылки резюме я получил немало откликов с приглашениями на собеседования. Однако за неимением нужного опыта я провалил их все. Перспективы мои были туманны: в эпоху многочисленных магистров и докторов я был лишь жалким бакалавром.

Приближался срок оплаты аренды, и я принялся обзванивать бывших друзей и коллег, чтобы попросить их подыскать мне подходящую работенку и заодно более бюджетное жилье. Большинство предпочло держаться от нищего приятеля подальше; никто не знал, как мне помочь.

Никто, кроме Ши Цзинчжоу.

Мы с ним вместе учились в начальной и средней школе, и нас вполне можно было назвать хорошими друзьями. Но после поступления в университет мы стали меньше общаться, и когда я позвонил ему, не успел и рта открыть, как он с ходу обругал меня: мол, что же ты, братец, только сейчас разыскал меня? Я поделился с ним своими трудностями, и он без колебаний предложил одолжить мне денег. Хотя я и тактично отказался от его щедрого предложения, однако был тронут до глубины души. Поистине, старый друг лучше новых двух. Он сказал, что его товарищ открыл образовательное учреждение для внеклассного обучения, а я как раз работал учителем. Потом спросил меня, не хочу ли я попробовать себя в репетиторстве. Едва ли у меня был какой-то выбор, так что я немедленно согласился.

На вопрос о жилье Ши Цзинчжоу загадочно ответил:

— Ты же не возражаешь снимать жилье вместе с кем-то? Ты знаком с этим человеком.

Я поспешно сказал:

— Я, конечно, не против, лишь бы арендная плата была нормальной. Ты же знаешь, у меня сейчас с деньгами негусто, хорошее и дорогое жилье я не потяну. Да, кстати, ты сказал, что я знаком с соарендатором, — так кто же это?

Однако Ши Цзинчжоу предпочел придержать эту информацию в секрете и лишь усмехнулся:

— Узнаешь, когда придет время... Давай-ка прикинем, когда мы сможем нормально пообщаться с глазу на глаз.

Мы договорились встретиться на следующий день после обеда. Он сказал, что сразу сможет показать мне дом, а заодно и повидать старого приятеля. Меня снедало любопытство, но также я знал, что Ши Цзинчжоу любит делать из мухи слона, поэтому перестал думать об этом. Этим вечером я чувствовал себя замечательно: одним звонком решил сразу вопрос с работой и жильем... Я вздохнул с облегчением: все-таки выход есть всегда.

Доехав до нужной станции, я вместе с вечно спешащей толпой вышел из метро.

Мы с Ши Цзинчжоу условились встретиться в кафе на улице Сынань. Он стал куда толще, чем прежде: живот у него выпирал, походя на барабан, а сам он казался очень веселым. Едва заметив меня, он подбежал ко мне и со всей дури хлопнул по плечу, оглушительно расхохотавшись, — совсем как раньше. Мы поболтали о разных курьезах во время учебы, потом рассказали друг другу о тех, кто женился, у кого уже есть дети, и все сетовали, как скоротечно время.

— Кстати, о бывших одноклассниках: ты еще помнишь парня по имени Чэнь Цзюэ? — внезапно спросил Ши Цзинчжоу.

Имя показалось мне знакомым, но я не мог вспомнить, где слышал его раньше, поэтому замотал головой.

Ши Цзинчжоу продолжил:

— Правда не помнишь? Мы же с ним вместе учились в началке. Ну, тот отличник, слегка замкнутый... Год проучился с нами, а потом перевелся в другую школу. Про него часто говорили. Он тогда еще раскрыл случай со спортивным инвентарем.

— Чэнь Цзюэ... — Я резко поднял голову. — Парнишка, который перескочил через классы? Младше нас на пару лет?

— Ага! Он самый, — ответил Ши Цзинчжоу.

Как же я мог про него забыть? Мое впечатление о нем было несколько расплывчатым, и я никак не мог припомнить его облик, однако поступки Чэнь Цзюэ тогда гремели на всю школу. Я отчетливо помню, что в то время учился в четвертом классе, и однажды классный руководитель привел в класс мальчика, у которого на шее был повязан зеленый галстук. Представив его классу, учитель сказал, что теперь этот мальчик будет учиться с нами. Хотя он и младше нас по возрасту, мы должны хорошо его принять и сделать своим товарищем.

— Почему ты вдруг вспомнил о нем? — спросил я.

Ши Цзинчжоу ничего не ответил и лишь улыбнулся. Но я уже сам обо всем догадался и продолжил расспросы:

— Как ты его нашел? Мы же столько лет не общались!

— Так уж вышло, что я в тот день ходил на прием в больницу в Хуашани — ну, ты знаешь, у меня с детства беда с коленями. Сидя в очереди к врачу, я внезапно увидел имя «Чэнь Цзюэ» на электронном табло. Только я глянул на него, так тут же вспомнил об этом парне. Не думаю, что в Китае есть еще кто-то, кого зовут так же¹. Я поискал похожего человека в очереди и спросил, он ли это и учился ли когда-то со мной. Вот так и произошло наше воссоединение... Думаешь, совпадение? Или попросту мир настолько тесен?

— Учился он превосходно. А сейчас как у него дела? Хорошо устроился в жизни?

— Учился за границей, только что из Штатов. Спрашиваешь, как он? Расскажу по дороге... Официант, счет! Ах да, его дом находится на этой улице — вроде бы Сынань, двести, — и я договорился с ним о встрече сегодня: устроим небольшую встречу выпускников.

Мы шли и болтали, обсуждая текущее положение дел Чэнь Цзюэ.

Ши Цзинчжоу говорил, что знает лишь то, что Чэнь Цзюэ совсем недавно вернулся из Америки, а вот чем он там занимался и почему вернулся, ему вообще неизвестно. В моих обрывочных воспоминаниях Чэнь Цзюэ редко говорил в классе и, возможно из-за возраста, почти не играл с одноклассниками. Классный руководитель однажды предположил, что у него аутизм, и убедил его родителей пройти с ним обследование в больнице. Его мама так и сделала, а потом принесла справку, где говорилось, что Чэнь Цзюэ страдает синдромом Аспергера — психическим расстройством с нарушением социальной коммуникации.

Мы тогда были слишком малы и многого не понимали, хотя классный руководитель неоднократно подчеркивал, что мы должны заботиться о Чэнь Цзюэ, чтобы он чувствовал тепло и поддержку четвертого (для него-то — второго) класса.

¹ Речь идет о личном имени; фамилия Чэнь (陈) достаточно распространена в Китае, а вот иероглиф имени Цзюэ (燭 — «факел», «пламя светильника») можно назвать редким.

Прогуливаясь с Ши Цзинчжоу вдоль дороги, мы отметили, что на улице Сынань очень красиво. По обеим сторонам дороги густо росли заслоняющие солнце платаны. Они простирали свои длинные ветви с густой листвой над нашими головами, образуя крытый коридор, тянувшийся до конца улицы. Солнечный свет проникал в промежутки между ветвями, а поверхность дороги пестрела узором теней деревьев. Иногда тишину нарушали случайные прохожие или автомобили. И с той, и с другой стороны улицы за стеной оград, спрятанные в тени деревьев, ютились разномастные домики западного образца.

— Аренда здесь, наверное, недешевая? — глядя по сторонам, начал переживать я.

— Ерунда! Ты же даже не посмотрел толком, что это за район: раньше тут была французская концессия¹, а теперь — центр города.

— Кажется, все-таки недешевая... Даже если будет пополам, боюсь, что не потяну ее.

— Ну что ты такое говоришь! Раз уж мы все равно пришли, дом надо посмотреть. Допустим, не договоримся — ну так хоть со старым товарищем свидимся! — Увидев, что я собрался идти на попятную, Ши Цзинчжоу крепко схватил меня за руку и потащил за собой.

Улица Сынань не была длинной, ее северная оконечность соединялась с улицей Хуахай, а южная — с улицей Тайкан. Наш маршрут пролегал мимо дома-музея Сунь Ятсена² и резиденции Чжоу Энълая³. Несколько минут мы шли на юг, пока не нат-

¹ Управляемая французами территория с французским населением; существовала в 1849–1946 гг.

² Сунь Ятсен (1866–1925) — китайский политический деятель, организатор борьбы против императорского режима Цин, основатель Гоминьдана [главной партии континентальной Китайской Республики, ныне — одной из ведущих партий Тайваня (островной Китайской Республики)], первый президент Китая.

³ Чжоу Энълай (1898–1976) — один из самых известных деятелей Коммунистической партии Китая, первый глава Госсовета (премьер-министр) основанной этой партией Китайской Народной Республики.

кнулись на табличку с надписью: «Улица Сынань, 200». К моему изумлению, передо мною предстал не кривой проулок с домиком в стиле шикумэнь¹, а большой дом европейского образца из красного кирпича, отделанный галькой. От такого зрелища не только у меня, но и у Ши Цзинчжоу челюсть до земли отвисла.

— Ты, случайно, не ошибся? Здесь действительно проживает один человек? — Я посмотрел на Ши Цзинчжоу. — Ты хоть знаешь, сколько стоит такой дом?

— Несколько сотен миллионов, что-то вроде того.

Его голос дрожал. Трясущимися руками он вытащил телефон, еще раз проверил адрес и только потом постучал в дверь. Я нервно ждал. Через некоторое время в доме послышались звуки движения.

На стук вышел немного заспанный молодой человек с растрепанными волосами. Открыв дверь, он пару секунд простоял столбом, но как только пришел в себя, сразу крикнул Ши Цзинчжоу:

— Да это же братец² Ши! Входите, входите.

Сказав это, он повернулся ко мне и пожал мне руку:

— Хань Цзинь, верно? Привет, я Чэнь Цзюэ. Сколько лет, сколько зим...

В отличие от прошлых лет, сейчас он казался приветливым.

Чэнь Цзюэ был худым и высоким, ростом около ста восьмидесяти двух сантиметров. На нем были черная рубашка и поношенные джинсы. Выглядел он довольно изящно: длинные ресницы, заостренный подбородок, светлая кожа, даже наспех приглаженные волосы не портили картину. Единственное, он казался несколько болезненным и не очень энергичным. Однако его глаза сильно контрастировали с общим безучастным выражением лица — взгляд был пронзительным и ясным.

¹ Шикумэнь — архитектурный стиль шанхайского происхождения, характерный переплетением западных и местных китайских традиций.

² Почтительное обращение к мужчинам своего поколения в Китае.

Мы пересекли двор и вошли в здание в стиле неоклассики. В доме было три этажа. Как рассказал Чэнь Цзюэ, этот дом является охраняемым объектом исторического наследия — его первоначальным владельцем был известный биолог периода Китайской Республики¹ по имени Чэнь Инсянь. От входной двери расходились два коридора, коридор для прислуги был отделен от хозяйского. Гостиная и столовая на первом этаже выходили на юг, а кухня — на север. На втором этаже две спальни, совмещенные с ванной, выходили на юг, а еще одна — на север. Хозяйская же спальня, занятая Чэнь Цзюэ, была снабжена террасой. Мне было сказано, что если надумаю тут поселиться, то смогу взять любую из двух оставшихся спален. На третьем этаже было две комнаты, а еще сауна и открытая веранда около тридцати квадратных метров.

Первое, что бросилось мне в глаза, когда я вошел в дом, была целая стена книг. Более того, то тут, то там возвышались книжные стопки. Местное собрание привело меня в восторг: я ведь нигде раньше не видел столь огромной коллекции, кроме как в библиотеке. В это время Ши Цзинчжоу сидел на диване и глазел по сторонам. Чэнь Цзюэ удалился, чтобы заварить нам чай, а я все никак не мог отлипнуть от книжного шкафа. Большинство книг здесь было на иностранных языках, из сфер литературы, истории, искусства, математики и физики. Изредка среди них попадались древние книги на китайском языке вроде «Цзо чжуань»² или «Цзы чжи тун цзянь»³. Полки

¹ 1912–1949 гг.; затем возникла Китайская Народная Республика, существующая по сей день, а Китайской Республикой теперь называется государство, большую часть территории которого составляет Тайвань.

² «Цзо чжуань» («Комментарии Цзо») — влиятельнейший памятник исторической прозы Древнего Китая, художественно-аналитическое истолкование наиболее древней китайской летописи «Чуньцю».

³ «Цзы чжи тун цзянь» («Помогающее в управлении всепронизывающее зеркало») — энциклопедический труд по истории Китая, созданный под руководством выдающегося средневекового историка Сыма Гуана.

ломились от разнообразной литературы, и, кроме того, я обнаружил, что в одной части шкафа собраны труды, посвященные исключительно уголовному розыску и криминологии. В конце книжной стены стояла меловая доска, вдоль и поперек исписанная математическими формулами и системами уравнений. Будучи гуманитарием, я не имел шанса понять смысл написанного.

— Математическая проблема, — произнес Чэнь Цзюэ, стоя у меня за спиной. — Возможно, самая базовая; в некотором смысле это чрезвычайно запутанная связь между сложением и умножением. Когда мне скучно, я всегда совершаю бесплодные попытки решить ее; не обращай внимания.

Говоря об этом и стирая тряпкой символы и цифры с доски, он обронил мел, но не придал этому значения. Эдакая смесь хаоса и порядка, сочетание разума и чувств, похоже, сформировала особую эстетику этого дома. И я должен был признать: мне начинало здесь нравиться.

— Ты изучал математику в университете? — Усевшись, я сделал глоток заваренного Чэнь Цзюэ черного чая.

— Ага.

— Как круто! Помню, в началке ты был лучшим по математике, но я никак не думал, что ты выберешь математику своей специальностью! Сложно, наверное? — искренне выразил восхищение Ши Цзинчжоу.

— Числа гораздо проще людей, — многозначительно сказал Чэнь Цзюэ, взяв чай.

Потом я выразил перед ним свое восхищение домом, но также сказал, что мое материальное положение не позволит мне снять это жилье. Чего уж там, даже моя прежняя двухкомнатная квартирка была теперь мне не по карману. Выслушав меня, Чэнь Цзюэ задумался на мгновение, а потом сказал то, чего я никак не ожидал от него услышать:

— Это не мой дом. Но если тебе тут нравится, можешь оставаться, а аренду платить не надо. С тебя причитается только половина бытовых расходов.

Как такое возможно? Я не поверил своим ушам.

Чэнь Цзюэ, казалось, понял мои сомнения и рассказал связанную с этим домом историю. Владельцем является друг Чэнь Цзюэ из Америки. Из-за того, что здесь произошло убийство, возможности продать дом пока не представляется. Сам Чэнь Цзюэ не суеверен и на произошедшее ему наплевать, поэтому американский друг воспользовался подвернувшимся случаем и сдал ему дом в аренду за символическую сумму.

— Так этот дом проклят из-за убийства? Неудивительно, что, когда я вошел сюда, почувствовал, как меня с ног до головы дрожь пробила... — Ши Цзинчжоу обхватил себя за плечи и поежился.

— Можно и так сказать. Один богатый коммерсант среди ночи сошел с ума и прикончил свою жену и дочь, а после закопал тела в саду. Да, именно там, где вы недавно проходили... Хань Цзинь, так ты не против? — спросил меня Чэнь Цзюэ.

Когда он произносил эти слова, его тон был спокоен, в нем не было ни следа эмоций, как будто он говорил о повседневных вещах.

По правде говоря, я был немного смущен. Хоть я и материалист и не верю во всякую паранормальную чушь, но когда мне вдруг на ровном месте предложили переехать в дом, где погибли люди, я встревожился и никак не мог унять это чувство. Однако самый страшный в мире дух — дух нищеты. Какие у меня были бы варианты, если б я не поселился здесь?

Срок аренды квартиры, в которой я жил, подходил к концу, и я был не в состоянии оплатить следующие полгода, так что через несколько дней вполне мог оказаться на улице. Возвращаться в родительский дом и сталкиваться с насмешками матери и отца мне не хотелось. Жить в проклятом месте по-любому лучше, чем быть бездомным, правда ведь? В крайнем случае можно подкопить денег и в будущем съехать на новое жилье. С другой стороны, мне бы не хотелось, чтобы Чэнь Цзюэ и Ши Цзинчжоу смотрели на меня свысока.

Не боюсь я этого дьявольского дома! Я человек с высшим образованием, почему же рассуждаю как малограмотный деревенщина? Поэтому скрепя сердце я кивнул в знак согласия.